

НИКОЛАЙ СВАНИДЗЕ

ПОГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ. НАША ИСТОРИЯ

1941—1964

НА ПИКЕ

МАРИНА СВАНИДЗЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С24

Сванидзе, Николай Карлович.

С24 Погибель Империи. Наша история. 1941–1964. На пике / Николай Сванидзе, Марина Сванидзе. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (История России. Хроники).

ISBN 978-5-17-116783-7

История российского и советского XX века переписывалась многократно. И прошлыми поколениями, и уже на наших глазах.

На середину нашего XX века выпали самые трагические, жестокие, позорные, героические и славные события во всей нашей истории. Прежде всего они связаны с войной, которая до сих пор по разным причинам не даёт нам покоя. После войны — надежды на новую жизнь, которые были смяты и стёрты поздним Сталиным. Его смерть — шок для страны, повод для острой борьбы в верхушке партийного руководства и отход от системы массового террора. И наконец — время, которое позже получит название «оттепель». В этом слове и осуждение Сталина, и возвращение из лагерей, и новая поэзия, театр, музыка, и полет Гагарина. Время новых иллюзий.

В книге представлены документальные свидетельства эпохи: фрагменты дневников, воспоминаний, писем и интервью действующих лиц.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-116783-7

© Марина Сванидзе, Николай Сванидзе, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Все утро 22 июня 1941 года Константин Симонов писал стихи. До двух часов дня он не знал, что началась война. Он не подходил к телефону и не включал радио. Он не слышал и не мог слышать выступление Молотова, которое передавали в 12 часов 15 минут.

В 5.30 утра 22 июня Молотов встречался с германским послом Шуленбургом. Шуленбург сообщил, что германское правительство поручило ему передать следующую ноту: «Ввиду нетерпимой угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры».

Молотов спрашивает, что означает эта нота. Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны. Молотов говорит, что вблизи границы проходили обычные маневры. Если маневры были нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства.

До возвращения Молотова после встречи с Шуленбургом Сталин полагает, что германские действия — это провокация. Сталин говорит, что Гитлер наверняка не в курсе.

Агентурные сообщения о подготовке Германии к войне против СССР идут Сталину с сентября 1940 года. При этом советская разведка испытывает крайнее, иррациональное недоверие Москвы. Сталин не желает адекватно воспринимать информацию о приближающейся войне. Указываются направления основных будущих немецких ударов. Сообщается о формировании будущего административного управления оккупированной территорией СССР. Появляется дата вероятного нападения. Заместитель Берии Меркулов докладывает Сталину информацию, полученную от агента берлинской резидентуры

под именем Старшина: «Все военные мероприятия Германии по подготовке выступления против СССР полностью закончены. Удар можно ожидать в любое время».

Сталин оставляет резолюцию:

«Тов. Меркулову. Можете послать ваш источник к е... матери. И. Сталин».

Когда Молотов 22 июня доложит о ноте, переданной германским послом Шуленбургом, Сталин спросит: «Что означает эта нота?» Молотов ответит: «Германское правительство объявило нам войну».

Молотов вспоминает:

«В тот день в горячке разговора, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу».

Сталин говорит, что ему самому выступать рано. Пусть выступит Молотов.

После радиообращения Молотова Сталин ему скажет: «Правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они даже не знают точной обстановки. Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись. Они должны сами отражать врага, не дожидаясь наших распоряжений, на то они и армия».

Распоряжений 22 июня ждать было бесполезно. В момент нападения Германии рухнул план, который Сталин вынашивал, лелеял, ради которого он пожертвовал ни много ни мало обороной государственных границ СССР. 22 июня рухнул сталинский план превентивного, предупреждающего удара по Германии, предполагавший исключительно наступательные действия на территории противника.

К весне 1941 года пакт Молотова — Риббентропа о разделе Восточной Европы между СССР и Германией исчерпывает себя. Очевидным становится столкновение интересов СССР и Германии на Балканах, в Финляндии, на Ближнем Востоке, в вопросе о проливах из Черного моря в Средиземное. Перевес все больше на стороне Германии. Плюс ее успех в Европе в 1940 году. Германская агрессия в отношении СССР неизбежна. Сталинская цель в этих новых условиях — удержать и расширить территориальные приобретения, сделанные в Европе в 1939–1940 годах. Наступательные военные действия планируются в лучшем случае на 1942 год, в худшем — на 1943-й.

Для Сталина это продолжение имперской политики. При этом наступление на мир капитала вписывается в официальную коммунистическую идеологию. Кроме того, это наступление против агрессора, каковым является гитлеровская Германия. Это населению объяснить гораздо проще, чем необходимость договора о дружбе с Гитлером, в то время когда Гитлер уверенно оккупирует Европу.

Константин Симонов в комментариях к своим дневникам пишет: «Чем дальше фашисты шагали по Европе, тем больше чувство душевной стесненности вызывали у меня наши лояльные отношения с этими завоевавшими Европу людьми».

Вдруг промелькнувшее в газете сообщение ТАСС о противоздушной обороне Лондона, в котором прозвучала нота сочувствия к оборонявшим свою столицу англичанам, было воспринято с обостренной радостью. Я говорю не только о себе. Хорошо помню, что это было общее чувство».

Для Сталина эти чувства населения — залог поддержки его амбициозного похода на Запад.

5 мая 1941 года Сталин выступил перед выпускниками военных академий, партийной и военной элитой. На прошедшем затем банкете в ответ на тост одного из генералов «За мирную сталинскую внешнюю политику» Сталин подает реплику: «Мы обязаны от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Вслед за этим сталинским выступлением появляется план Жукова—Тимошенко—Василевского. Маршал Жуков по этому поводу в 1965 году скажет: «Идея предупредить Гитлера появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 года. Конкретная задача была поставлена Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому Тимошенко и мне». Главный упреждающий удар должен быть нанесен на юго-западе. Германские войска отрезаются от Балкан, в первую очередь — от румынской нефти. Последующая задача — овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссией. Наконец — взятие Берлина.

Первая реакция Сталина на план Василевского—Жукова активно отрицательная. Он боится спровоцировать Германию и потерять инициативу. Затем Сталин меняет свое мнение. Именно в соответствии с планом упреждающего удара идет вся перегруппировка со-

ветских войск в начале лета 1941 года. Вплотную к границе передвигаются склады с горючим, боеприпасами и вооружением. На границе разворачиваются аэродромы. 22 июня первый удар германских люфтваффе будет нанесен именно по этим аэродромам. Новенькие «МиГи» даже не успеют подняться в воздух. За первые восемь часов войны будут потеряны 1200 самолетов. 900 из них — прямо на земле. Свою войну Сталин планировал на 1942 год. В 1941-м Сталин не готов ни к наступлению, ни к обороне. В 1941-м Гитлер обходит Сталина на повороте.

С началом войны в первую очередь из строя выходит система связи. Ни одного подземного узла связи нет. Сталин и Жуков связываются с фронтами через центральный телеграф на улице Горького. Одна бомбежка могла лишить Сталина вообще всякой информации.

23 июня Симонов командирован в армейскую газету. Вечером того дня он в Наркомате обороны. Получил документы и обмундирование. В дневнике Симонов пишет:

«Шинель была хорошо пригнана, ремни скрипели, и мне казалось, что вот таким я всегда и буду. Не знаю, как другие, а я в эти первые два дня настоящей войны был наивен, как мальчишка».

Уже известному поэту, драматургу и журналисту Константину Симонову в 1941 году двадцать пять лет.

Симонов ведет дневник все годы войны. Это нечастое явление. Дневники на фронте, особенно в первую половину войны, запрещены. Симонов знает об этом, дневник хранит в сейфе у главного редактора газеты «Красная звезда», своего друга Давида Ортенберга.

В 1943 году секретарь Московского комитета партии Щербаков закажет Симонову сценарий фильма о Москве 1941 года. Симонов хотел, чтобы фильм ставил режиссер Пудовкин. Он дал Пудовкину почитать свой дневник 1941 года. Пудовкин сказал, что специальный сюжет не нужен, он будет делать фильм на основе симоновских дневников. Они вместе написали сценарий, назвали его «На старой Смоленской дороге». Сценарий в высоких инстанциях зарубили.

В начале 60-х к дневниковым записям, составившим книгу «100 суток войны», Симонов напишет комментарии. В них будет дополнительная информация. Они отразят более поздние симоновские взгляды. Дневниковый текст Симонов оставит неизменным.

Эмоциональным и кинематографичным. Из первых рук первые дни и месяцы большой войны.

24 июня Симонов уезжает из Москвы в Минск. В Москве вечером абсолютно темно. На вокзале где-то горят синие лампочки. Симонов пишет:

«Первые признаки неразберихи и беспорядка. Черный вокзал, толпы людей, непонятно, когда, куда и какой идет поезд. Какие-то решетки, через которые не пускают. Вагоны в поезде на Минск неизвестно почему дачные».

Симонов продолжает:

«В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Казалось, что половина Западного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось. Впрочем, не понимаю этого и до сих пор».

26 июня Симонов сошел с поезда в городе Борисове. Дальше, к Минску, поезда уже не идут.

Симонов пишет:

«Три часа металась по городу в поисках какой-нибудь власти. После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство.

Над городом крутились самолеты. Была отчаянная жара и пыль. Возле госпиталя я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок.

По дороге шли какие-то войска и машины. Одни в одну сторону, другие — в другую. Ничего нельзя было понять. Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Я плюхнулся в пыль, в придорожную канаву. В городе уже была паника. По городу шли и бежали неизвестно куда какие-то люди. За городом по пыльной дороге на восток шли машины. Двигались пешком люди. Теперь все направлялись только в одну сторону — на восток.

С запада на восток вдоль дороги шли женщины, дети, старики, девушки с маленькими узелками. А навстречу с востока на запад шли гражданские молодые мужчины. Они шли на свои

призывные пункты, мобилизованные, не хотевшие, чтобы их сочли дезертирами, и в то же время ничего не знавшие, не понимавшие, куда они идут. Их вели вперед чувство долга и не верие в то, что немцы могут быть здесь, так близко.

Перед мостом стоял совершенно расстрепанный человек с двумя наганами в руках. Он останавливал людей и машины и, грозя застрелить, кричал истерическим голосом, что он — политрук Петров — должен остановить здесь армию, и он остановит ее и будет убивать всех, кто попытается отступить. Люди равнодушно ехали и шли мимо него.

В соседнем лесу все кишело народом. Большею частью это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. Людей делили на роты и батальоны и отправляли занимать оборону вдоль берега реки Березина. Немцы с воздуха вскоре обнаружили это скопление людей и начали обстреливать лес из пулеметов. Мы ложились, прижимались головами к тощим деревьям. Нас было удобно расстреливать. Несколько человек рядом со мной были ранены — все в ноги. Как лежали в ряд — так и пересекла их пулеметная очередь.

Этот расстрел продолжался до поздней ночи. Было уже все равно. Оставалось только полное недоумение перед всем, что делается кругом. И еще казалось, что все это случайность, просто какой-то прорыв, что впереди и сзади войска, которые придут и все поправят. Ночью опять был обстрел с воздуха. А с земли все, кто из чего, стреляли в небо, „в Божий свет, как в копеечку”».

Потом, когда выбрались на дорогу, наткнулись на группу из четырех человек, которые требовали документы у человека в штатском. Он отвечал, что документов у него нет. Они опять требовали, тогда он крикнул: „Документы вам? Гитлера ловите! Все равно вам его не поймать!”

Военный молча вынул наган и выстрелил. Штатский согнулся и упал. Не знаю, может быть, это и был агент, диверсант, но, скорее всего, — просто какой-нибудь мобилизованный, доведенный до отчаяния трехдневными мытарствами в поисках своего призывного пункта. Тысячи людей из остановленных и разбомбленных поездов продирались в эти дни к призывным пунктам».

Едва застреленный упал, рядом разорвалась бомба. Через мгновение Симонов увидел: рядом с ним лежал застреленный и почти на нем убитый осколком военный. Больше никого не было, все разбежались. Утром неподалеку рыли окопы и щели. Симонову как на старшего указали на корпусного комиссара Сусайкова. Это был молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели и с лопатой в руках. Симонов спросил, где редакция газеты, потому что он писатель и направлен в армейскую газету.

Сусайков посмотрел на Симонова отсутствующим взглядом и сказал равнодушно: «Разве вы не видите, что делается? Какая газета?» Симонов сказал, что ему надо явиться в штаб фронта. Сусайков не знал, где штаб фронта. И вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся с ним в этом лесу.

Это 28 июня. Минск оставлен войсками Западного фронта. Симонов, корреспондент «Известий», командирован в армейскую газету 3-й армии Западного фронта. Но эта 3-я, так же как и 4-я, и 10-я армии, уже окружена юго-западнее Минска.

Вспоминает командир партизанского отряда, белорусский писатель Алексей Карпюк, живший в июне 1941-го в деревне у шоссе Белосток—Волковыск—Слоним:

«На шоссе оставались советские танки — целенькие, покрашенные свежей краской, с исправными моторами, пулеметами и пушками. Немцы на их бортах аккуратно вывели номера. У границы стоял танк под номером 1, на расстоянии девяноста километров от него — танк с номером 500».

Танкисты без танков отступают вместе с пехотой. Связи в войсках нет. Управление потеряно. На дорогах толпы людей. Это первый большой котел. 330 тысяч пленных советских солдат и офицеров. Из дневника командующего группой армий «Центр» генерала фон Бока: «23.06.41. Сообщают о многочисленных случаях самоубийства русских офицеров, пытавшихся таким образом избежать плена».

В это время в Москве, на Белорусском вокзале, откуда уходят на фронт эшелоны, уже звучит «Священная война». Сообщения о боевых действиях — в газетных сводках Совинформбюро, которое создано 24 июня.

Симонов в комментариях к дневнику пишет: «Сводки Информбюро в тот период значительно отставали от молниеносно разво-

рачивающихся событий». Наиболее характерная формулировка: «Бои идут на таком-то направлении». Скажем, на Минском или Бобруйском направлении. Термин «направление» расплывчат. Он дает только общее географическое представление о глубине нанесенного нам удара. Тогда, в конце июня 1941-го, словечко «направление» на фронте произносили с едкой иронией, маскирующей отчаяние.

После войны Симонов напишет: «Если бы избрать тогда иную терминологию, то все наши сводки в любой из дней состояли бы из доводящего до отчаяния списка десятков потерянных городов и тысяч населенных пунктов».

3 июля в сводке Совинформбюро проскакивает ремарка:

«Враг не выносит штыковых ударов наших **войск**».

На самом деле вот это и есть информация. В нескольких словах истинная картина отчаянных боев, когда, кроме как идти в штыковую, ничего не остается.

Симонов уже неделю в поисках штаба Западного фронта. Перемещается на попутных машинах.

Воронки от бомб — в стороне от дороги, за телеграфными столбами. Беженцы пробирались там, стороной, и немцы, приспособившись к этому, бомбили как раз по сторонам дороги. Вот вдоль дороги и лежали трупы. Саму дорогу немцы не портили: они собирались идти быстро и беспрепятственно.

Повсюду еврейские беженцы из-под Белостока, из-под Лиды, из сотен еврейских местечек. Симонов пишет:

«Шли старики, которых я никогда не видел, с пейсами и бородами, в картузах прошлого века. Шли усталые, рано постаревшие еврейские женщины. И дети, дети, дети. Детишки без конца».

Штаб Западного фронта в тот момент под Могилевом, в лесу, в палатках. Некоторые отделы штаба размещались прямо на грузовиках. Здесь Симонов видел маршалов Ворошилова и Шапошникова. Они приехали в лес на длинном черном «паккарде». Ворошилов лично допрашивал сбитого немецкого летчика.

Симонов пишет:

«Это был первый немец, которого я видел на войне. Этот первый немец был событие. Все толпились вокруг него».

Он был сбит у Могилева. У него был компас. И он пошел на восток. Из его объяснений стало ясно, что на шестой день войны немцы должны были взять Смоленск. И этот фельдфебель, твердо веруя в этот план, шел к Смоленску.

Симонов пишет: «Настроение было отчаянное. По-прежнему все было непонятно. Радио сообщало о сдаче небольших городков на границе — о Минске не упоминалось. Говорили о взятии Ковно и Белостока. Между тем в Могилеве говорили, что бои уже идут под Бобруйском. Было такое ощущение, что впереди, на западе, дерутся наши армии, а между ними и остальными нашими войсками находятся немцы».

Так и было на самом деле. Только с той разницей, что наши армии на западе были окружены и выходили частями. После страшных поражений на границах в первые два дня войны было решено не поддерживать всех, кто остался, не помогать окруженным частям, не бросать на съедение новые дивизии. Симонов пишет:

«Решили оставить всех там, впереди, на произвол судьбы, драться и умирать, а из всего, что было в тылу, по Днепру и Березине организовать новую линию обороны. Если бы не это, немцы действительно за 6 недель дошли бы до Москвы».

Вокруг Могилева повсюду рюк. Вся Могилевщина и вся Смоленщина изрыты окопами и рвами. Немцы их потом спокойно пройдут.

Симонов работает в газете в Могилеве. Он часто сам развозит газеты в те части, которые может найти. По дороге по одному, по два попадают грязные, оборванные люди, совершенно потерявшие военный вид. Это окруженцы. На проселочной дороге Симонова останавливает невесть откуда взявшийся милиционер. Он спрашивает, что ему делать с этими бредущими одиночками: «Отправлять их куда-нибудь или собирать вокруг себя?» Симонов говорит, чтобы он собирал их до тех пор, пока не появится какой-нибудь командир. Милиционер остается на дороге. Рядом на обочине сидят двое, вырвавшиеся из окружения.

В тот же вечер в политотделе штаба фронта Симонов прочел речь Сталина, записанную на слух радистами. Это было сталинское обращение к народу 3 июля, начинавшееся знаменитыми словами:

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои».

В дневнике Симонов комментирует выступление Сталина. Первое — эта речь давала понять, что немцами захвачена огромная территория и что опасность крайняя. В сводках Совинформбюро об этом не говорилось.

«Теперь — Симонов пишет, — стало легче оттого, что это было сказано вслух. Второе — мы поняли, что наши надежды, что где-то готовится могучий удар, что немцев погонят не сегодня, так завтра, — мы поняли, что это не более чем плоды фантазии. И надо забыть, что мы слишком долго готовились совсем к другому, к победоносному началу войны».

Симонов пишет в дневнике 1941 года: «Слова, друзья мои, в сталинской речи, помню, тогда тронули до слез». Сталин в том июльском обращении произносит: «Враг ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма». Сталин все еще живет в эпохе 20–30-х, где успешно работали штампы классово-борьбы. А люди уже живут в эпоху Отечественной войны. И вся предыдущая жизнь отныне и навсегда для них будет называться просто и емко — «до войны». Сталин этого еще не чувствует, он не поспекает за народом, от которого впервые зависит его личная судьба и к которому именно поэтому он впервые обращается «друзья мои».

И когда он в обращении говорит, что советский народ теперь должен отказаться от беспечности и благодушия, это излишне. Война и без Сталина всюду учит советских людей, а вернее, тех из них, кто не погиб тогда, в первые ее дни и недели.

Через 20 лет в комментариях к дневнику 1941 года Симонов продолжает тему «Сталин и начало войны». Все прошедшие годы ему не дает покоя вопрос: почему Сталин не желал верить, что война начнется летом 1941 года?

«Я допускаю, — Симонов пишет, — что Сталин считал, что с ним, с исторической фигурой такого масштаба, Гитлер не посмеет решиться на то, на что он решился раньше с другими».

В случае со Сталиным сказалось разлагающее влияние неограниченной власти. Он мнил себя способным планировать историю. Симонов продолжает:

«Другой вопрос, что даже в самых сложных условиях существует еще и ответственность общества, когда оно вручает власть в руки одного человека. Нельзя забывать о нашей ответственности за то положение, которое занял этот человек».

Именно этот симоновский комментарий — главная причина запрета на публикацию его дневников 1941 года под названием «100 суток войны». Они должны были увидеть свет в журнале «Новый мир» в 1966 году. «100 суток войны» напечатаны не будут.

Из секретной докладной записки начальника Главлита Охотникова в ЦК КПСС: «При контроле сентябрьского и октябрьского номеров журнала «Новый мир» было обращено внимание на содержание записок К. Симонова и комментарии автора к ним». Далее в форме доноса четко излагается суть симоновских антисталинских комментариев. Докладная заканчивается словами «произведение снято из номера». И это несмотря на то, что Симонов в то время обладатель одного из самых громких имен в советской литературе. Его стихи знают не только по книгам. Всю войну они публикуются в газетах. Это невероятная известность. В 66-м по поводу своей книги «100 суток войны», которую считал лучшей, Симонов рискнул обратиться в высочайшую партийную инстанцию. Он не получил не только поддержки, но и вообще какого-либо ответа.

Годом раньше, в 65-м, к 20-летию Победы, Симонов делал доклад на пленуме правления Московской писательской организации. 1965 год, первый год после Хрущева, — это начало ресталинизации, тихое возвращение Сталина на позиции, отнятые было у него XX съездом партии. Симонов в этом году с трибуны говорит о сталинских репрессиях в армии с точки зрения их прямого влияния на неготовность страны к войне.

Симонов говорит:

«Нет, нельзя все сводить к именам нескольких расстрелянных военачальников. Вслед за ними погибли тысячи и тысячи, составлявшие цвет армии. И не просто погибли, а в сознании большинства ушли с клеймом изменников Родины. Но речь идет не только о тех, кто ушел. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии».

Система подозрений, обвинений, арестов и расстрелов живет вплоть до самой войны. Такова атмосфера накануне войны с фашистской Германией.

Симонов говорит:

«Сталин оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу. Главная вина его перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки компетентных людей не имеют возможности доказать главе государства масштаб опасности. Только обстановкой чудовищного террора и его многолетней отрывкой можно объяснить нелепые предвоенные распоряжения».

Еще до этого доклада в феврале 65-го в подмосковной Барвихе Симонов разговаривает на ту же тему с одним из главных героев войны маршалом Коневым. После этого разговора Симонов напишет:

«Не подлежит сомнению, что если бы 1937–1938 годов не было, и не только в армии, но и в стране, то мы в 1941 году были бы несравненно сильнее, чем мы были. Воевали бы все они, те, которые выбыли. И тогда из всех нас война выбирала бы и выдвигала лучших».

В июне, в июле 41-го Симонов на фронте встречает людей, вернувшихся в армию из лагерей накануне войны. Из их числа комкор Петровский, чей корпус стоит в эти дни на берегу Днепра. После войны Симонов прочитает июльские приказы Петровского. Они свидетельствуют о трезвости в оценках обстановки, спокойствии и самостоятельности в эти тяжелейшие дни. В 41-м комкор Петровский соответствует служебной характеристике, полученной еще в 25-м: «Обладает сильной волей, решительностью. Военное дело знает и любит его».

В том же самом месте, где Симонов встретил комкора Петровского, потом в симоновском романе «Живые и мертвые» будет ждать боя Федор Федорович Серпилин, арестованный в 37-м, получивший 10 лет лагерей, а потом неожиданно отпущенный. Перед рассветом, лежа на охалке сена, Серпилин будет думать: «Спрашивается, кому же перед войной понадобилось лишать армию таких людей, как он, Серпилин? Какой в этом смысл?» Время заключения в сознании Серпилина было прежде всего бездарно потерянным

временем. «Вспоминая теперь, на войне, эти пропавшие четыре года, он скрипел от досады зубами».

Серпилин — самый яркий герой главного симоновского романа. Но Симонов встречал и других людей, попавших на фронт после лагеря. И о них тоже писал. Эти, другие, лично бесстрашны перед врагом. Но после ареста и заключения беспомощны и безответны перед вышестоящим начальством.

На командирских должностях они не способны на решения, чем губят и губят солдатские жизни. Их было много таких, изуродованных лагерем. В повести «Пантелеев» Симонов даст такому человеку пустить себе пулю в лоб. В реальной жизни 1941 года его прототип пошел под трибунал. Симонов за повесть с таким действующим лицом подвергся критике с явными намеками на авторскую неблагонадежность.

К Симонову в Могилев приезжает бригада из «Известий». В ее составе поэт Сурков и фотокорреспондент Трошкин. Они на новенького на фронте. Симонов в это время уже отчетливо формулирует свои впечатления первых двух недель войны: «У меня было такое чувство, что уже ничего тяжелее в жизни я не увижу. Мне и сегодня кажется, что так оно и есть».

Он написал об этих двух неделях письмо домой. Когда уже сложил письмо вместе с журналистскими материалами, чтобы отправить в Москву, вдруг передумал. Не отправил письмо, порвал.

Одна из поездов известинской бригады — в Смоленск. Симонов вспоминает:

«По дороге, усталые и пыльные, заехали в какую-то деревушку, зашли в избу. Изба оклеена старыми газетами. В рамочках фотографии из журналов. В углу — божница. На широкой лавке сидит старик, одетый во все белое — в белую рубаху и белые порты, — с седой бородой.

Старуха усадила нас на лавку рядом со стариком и стала поить молоком. Зашла соседка. Старуха у нее спросила:

— А Дунька все голосит?

— Голосит, — сказала соседка.

— У нее парня убили, — объяснила старуха.

Вдруг открылась дверь, и мы услышали, как в соседнем дворе пронзительно кричит женщина. Старуха сказала:

— Все у нас на войне. Все сыны на войне, и внуки на войне.

А сюда скоро немец придет, а?